

Золотой купол Доминика Перро

Чтобы построить новое здание Мариинского театра, знаменитый архитектор уже получил российскую лицензию

ПО СЛОВАМ ПЕРРО, «АРХИТЕКТОРУ НУЖНО БЫТЬ ПОЛИТИКОМ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА»

Григорий Заславский

Выдающийся французский архитектор Доминик Перро в России знаменит прежде всего тем, что именно он выиграл конкурс на новое здание Мариинского театра. Мастер стал одним из главных героев «АРХ Москвы». Накануне отъезда из России Перро дал интервью корреспонденту «НГ».

— Месье Перро! Вокруг вашего проекта нового здания Мариинского театра — бесконечное количество слухов. Говорили, что вас заставляют отказаться от золотого купола и вы будто бы уже отказались, и переговоры идут с Исодзаки и т.д.

— Это естественно, проект быстро движется, это порождает большое количество слухов. Слухи неизбежны, и это хорошо, они показывают значимость проекта для Петербурга и для России. Связи с тремя клиентами — на уровне государственном, городском и на уровне руководства театра — у меня очень хорошие. В этом — залог успеха. Каждый архитектор мечтает о такой гармонии, о таком брачном союзе.

— Наверное, строительный бизнес везде примерно одинаков, но считается, что в российском строительном бизнесе особенно процветают так называемые откаты. Столкнулись ли вы с этой проблемой?

— Это — правительственный проект. Я думаю, у нас имеется фантастический шанс показать, что в принципе это возможно — построить чудесную оперу, которая бы стала доказательством влияния русского искусства и одновременно — доказательством того, что можно построить общественное здание по полностью прозрачным схемам.

Доминик Перро, мечтающий, чтобы архитектурные проекты реализовывались со скоростью мысли.

Фото Арсения Несходимова (НГ-фото)

— В работах по новому зданию Мариинки удивляет медлительность, долгие согласования. Неужели точно так же раскачиваются везде?

— Это связано, во-первых, с уникальностью проекта нового здания театра, а во-вторых, проблемы связаны с тем, что это проект публичного, общественного здания. Поэтому такая тщательная и такая долгая процедура — более долгая, чем в случае частных проектов. Там

все проще: заказчик дает деньги и можно строить почти сразу. А здесь нужно много согласований, тщательно очень подходить. Но я всегда чувствовал поддержку этого проекта как на уровне государственном, так и на уровне города.

— А хоть какие-то деньги вы уже успели получить за свою работу?

— Да, к счастью. Ведь это — очень большая группа, сотни людей как в России, так и в Европе, которым

нужно платить за то, чтобы они работали.

— Но, простите за деликатный вопрос, финансово вы еще заинтересованы в том, чтобы этот проект был осуществлен? Или работа архитектора — с финансовой точки зрения — уже завершена?

— Начну со второго вопроса: нет, конечно, это самое начало осуществления проекта, впереди много работы — по ведению документации, по постоянному контролю. Как это все делается, надо понимать на каждом этапе. А чтобы понимать, надо же все увидеть, все пощупать, чтобы каждый человек, который придет потом в театр, смог оценить то, что было сперва задумано, а затем — так, как задумано, было воплощено.

— А контролировать проект с таким усердием и вниманием надо везде, во всех концах света? Или в России вы серьезнее относитесь к такому контролю? Может быть, даже знаете, что Ленин в свое время сказал, что главное в работе — это учет и контроль?

— Ну, на Ленина в данном случае ссылаться вовсе не обязательно, потому что контроль со стороны архитекторов в России отсутствует начисто. В то время как во всех странах, где мне приходилось работать, архитектор везде осуществляет такой контроль. Он не художник, который ходит, окрыленный своими идеями, — он скорее директор стройки, который на всех этапах контролирует качество работ, уровень выполнения проекта. Так было у меня и на строительстве Национальной библиотеки в Париже, и на строительстве велотрека и олимпийского бассейна в Берлине.

— В деле реализации вашего проекта имеется, на мой взгляд, определенная трудность. С одной стороны, это госзаказ, со-

ответственно приоритет исполнения — у российских производителей. С другой стороны, ваш проект скорее всего ориентировался на уже известных вам мировых производителей. Будут российские компании участвовать в работе над проектом или нет?

— Да, конечно. Даже на стадии проекта не менее 20 фирм участвует в проектировании. Генпроектировщиком является российская организация ООО «Архитектурное бюро Доминика Перро», и многие другие позиции позволяют говорить, что в данном случае главный архитектор является наполовину французом, а наполовину — русским.

тавлены с иностранными в рамках одной задачи. Нужно, чтобы эта работа была продолжена, именно тогда русской архитектуре удастся получить международный резонанс. Никогда не удалось мне стать архитектором международного уровня, если бы Франсуа Миттеран в свое время не объявил международный конкурс на строительство Национальной библиотеки. Только открытость дает возможность продвигать отечественную архитектуру на международный уровень.

— Когда я встретился с господином Исодзаки, он был в черной шапочке с красной звездой. Я спросил, знает ли он, что это эмблема анархистов. На что он

Доминик Перро: «В России можно построить общественное здание по полностью прозрачным схемам»

ответил: «Я и есть анархист». Наверное, архитектор должен быть в каком-то смысле бунтовщиком? Или леваком?

— Архитектор, конечно, является политиком, но политиком особого рода, политиком, который выше политиков. Надо отдавать себе отчет, что архитектор мыслит большими временными категориями — 5–10–15 лет. Нужно уметь видеть больше, чем короткое время текущей политики. Нужно быть политиком в древнегреческом смысле слова.

— Вы верите, что ваш проект будет когда-нибудь реализован? И золотой купол — он будет или нет?

— В куполе самобытность этого проекта. Купол будет построен, поэтому что будет построен театр. ■